

В. П. Пустовит
НА ЛЮДЯХ И МЕЖ СОБОЙ
(Литературная жизнь Петропавловска 1960–1980 гг.)

Моё знакомство с камчатскими литераторами началось в 1961 г. в клубе поэзии, заседания которого проходили в читальном зале Камчатской областной библиотеки на втором этаже Дома радио по ул. Советской, № 28. Клуб объединял людей, любящих Поэзию, а также пишущих стихи, в основном «для себя» (почти все – представители интеллигентных профессий).

Привёл меня в этот клуб Славка Кокорин. Он, как и я, кропал стихи. Мы, одиннадцатиклассники школы № 2 им. Л. Н. Толстого, штудировали публикации поэтической и прозаической фронды в столичном журнале «Юность», затевали после уроков споры на темы современной живописи, литературы, кинематографа, театра. В этих спорах принимали участие почти все наши парни. (Для сравнения: к отечественной истории такого интереса никто, за исключением Коли Игошина, Александра Филимонова и меня, не проявлял). Охотно и подолгу слушали знатоков Мельпомены Вячеслава Кокорина и Владимира Балабохина. Оба они имели актёрские задатки и занимались в молодёжной студии при местном драмтеатре.

Но я отвлекся... Вела заседания клуба поэзии Канаева – работница библиотеки, а может быть, радио, – точно не помню, как, впрочем, и её имени – вежливая и обходительная женщина. Нам, школьникам, она казалась старше других присутствующих – сейчас понимаю почему: из-за её габаритов. Однако неформальным руководителем была не она, а Анатолий Юсин. Не так давно, уже в XXI в., я встретил его фамилию в выходных данных «ЗОЖа»: ответственный секретарь. А в 1961 г. он, молодой блондин с коротко остриженными волосами, разместив колено правой ноги на сидении венского стула и слегка покачивая последним, произносил стихи Дм. Кедрина. Понятие о творчестве какого-либо значительного, но «не на слуху» поэта давала обычно Канаева. Юсин дополнял её, приводил неизвестные факты жизни и принимался за стихи. То ли голос у него был негромким, то ли он намеренно снижал его – трудно сказать. Клуб вообще отличался степенностью и бесшумностью, верно, по привычке: всё-таки – читальный зал. Иной раз Канаева просила Юсина огласить собственные стихи. Он, долго не ломаясь, приступал к чтению в знакомой манере. Затем ведущая и двое-трое слушателей сдержанно хвалили услышанное. Бывало, Канаева приглашала на заседания настоящих поэтов. Осенью 1961 или весной 1962 г. в клубе выступил Владимир Науменков, его стихи запали мне в душу...

Как-то мы со Славкой отважились зачесть свои опусы. Стихи моего одноклассника, «технические» и актуальные, произвели благоприятное впечатление на одного из местных литературных авторитетов Александра Комаровского, который, как и Юсин, работал в «Камчатской правде». «В добрый путь, Слава!» – напутствовал его Комаровский, отведя нас обоих в сторону. Мне же посоветовал не переводить зря бумагу.

Впоследствии Вячеслав Кокорин стал режиссёром ТЮЗа в Сибири. После школы он съехал с Камчатки, слал мне письма из Минска, где учился в театральном институте, затем из Львова, служа в армии. Мы продолжали поэтический спор, начатый в школе: о ритме, рифме, метафорах, символах и прочем. Слава находил в моих стихах сильные и слабые строки, однако признавался, что сам сочинительство забросил.

Между тем, меня всё больше затягивала литература: я постоянно следил за стихами в местной прессе, особенно молодых поэтов. Секретарь по идеологии Камчатского обкома КПСС Л. Т. Иванов говорил на собрании областного партийно-хозяйственного актива в январе 1962 г.: «У нас складывается неплохая группа молодых литературных сил, которые, наряду с работой над художественными произведениями, могли бы оказывать большую помощь в подготовке брошюр по обобщению передового опыта... Чтобы улучшать содержание брошюр о передовом опыте в промышленности и сельском хозяйстве, а также опыте партийной работы следует к их написанию привлекать лучшие местные литературные силы» (1).

Со стихами в 1962–1963 гг. в «Камчатском комсомольце» выступали Арсений Семёнов, Леонид Семёнов-Спасский, Иван Коренев, Владимир Воробьёв. 8 апреля 1962 г. молодёжная газета открыла новое имя (шесть стихотворений по корякским мотивам): Георгий Поротов. Публиковалась проза Александра Харитановского, Романа Райгородского.

6 января 1963 г. я сочинил первый рассказ («Яшка») с молодёжной тематикой, явно подражая авторам «Юности».

В том же году мы с Евгением Гропяновым попытались организовать в пединституте лит-

кружок. На одном из его заседаний известная впоследствии педагог и психолог Беата Бушелева зачитала пародию на моё лирическое стихотворение «Имя твоё»: «На руке я не выколол – / напишу на спине...» (далее не помню). Я немного обиделся. Но в дальнейшем к пародистам привык и не стал обращать на них внимания. Однако нет худа без добра. 1 мая 1982 г. «Камчатский комсомолец» опубликовал пародию Альберта Олейникова на стихотворение «Чинарик»; на следующий день я бросил курить. Просуществовал институтский литкружок несколько месяцев. Гропянов и я выпустили два номера рукописного журнала «Живая мысль» с собственными прозой и стихами.

В 1964 г. я начал посещать областное литературное объединение при газете «Камчатская правда». Председательствовал в нём фронтовик, учитель английского языка Эмиль Аркадьевич Куни. Первым из стихотворцев, с кем я столкнулся на лито, был рыбак Ю. Коровин. Некоторые литераторы не принимали Юрия в расчёт, путая простоту с примитивностью, не замечая, что все его стихи идут от сердца. Порой Юра пускался вразнос, но был человеком добрым и искренним. Всё хотел жениться. Жизнь закончил в доме престарелых.

9 февраля 1964 г. «Камчатская правда» представила читателям творчество (три стихотворения) Евгения Сигарёва, которому спустя пять месяцев «Камчатский комсомолец» доверил обозревать стихи из редакционной почты. В 1964 г. по числу публикаций всех позади оставил 26-летний уроженец Москвы Виктор Шевяков, напечатавший с марта по октябрь в обеих областных газетах двенадцать стихотворений. «Нас с тобой в городе, наверное, каждая собака знает!» – не без гордости говорил он мне после Первой конференции творческой молодёжи Камчатки. Насчёт себя я сильно сомневался, а что касается Виктора, то он, если и преувеличивал, то самую малость.

Поэтический бум в стране только-только достиг Камчатки. У поэтов, особенно тех, кто печатался или часто выступал перед горожанами, было очень много почитателей и почитательниц. Последние, жаловался В. Шевяков, не дают проходу, однажды даже побили стёкла в деревянном доме, где они квартировали с супругой. В конце 1960-х гг. он вернулся в столицу, попытался пробиться на поэтический олимп, но безуспешно, и весной 1974 г. повесился на трубах ГВС. Кто знал поэта в те годы, считал, что сгубило его неумеренное пристрастие к алкоголю.

Первая (и на сегодня единственная в истории края) конференция творческой молодёжи полуострова открылась 16 ноября 1964 г. в малом зале областного Дома политического просвещения. Доклад «Задачи творческой молодёжи области по коммунистическому воспитанию подрастающего поколения» сделал секретарь обкома ВЛКСМ Геннадий Николаев. У меня сохранились выдержки из некоторых выступлений в прениях. Зорий Балаян (врач): «Готовил выставку “Реализм и абстракционизм”. Всё было готово, но редактор телевидения вдруг запретил показывать её. «Хрущёв поставил все точки над “И”, – сказал он. Между прочим, поставить все точки над “И” никому не дано, тем более в марксизме-ленинизме и марксистской эстетике». Иван Корнев (журналист): «“Известия” опубликовали безобразную статью, охаивающую мою “Балладу о вулканологе”. В балладе говорилось, что вулканологи до последнего времени ничего не делали. Вулканологи возмутились, устроили общественный суд, меня не пригласили. Хорошо, что в “Известиях”, наконец, навели порядок (намёк на смещение редактора, зятя Хрущёва. – В. П.). Евгений Сигарёв (офицер войск КГБ): «Партийная областная газета опубликовала стихи заезжих поэтов, в том числе Ф. Искандера “Ночной лов рыбы на Камчатке”. Можно подумать, что у нас ловят рыбу только браконьеры. И вообще, в “Камчатской правде” хорошие стихи местных авторов идут в корзину, а печатают бред известных поэтов». Владимир Науменков (старший лейтенант ВМФ): «Заведующему идеологическим отделом “Камчатской правды” Яковлеву следовало бы спуститься в подвал и поучиться у Веры Янкиной. Яковлев далёк от литературы. Воробьёв стал писать плохие стихи (2)». Необходимые пояснения: редакция «Камчатской правды» располагалась на верхнем этаже здания обкома КПСС, «Камчатского комсомольца» – в полуподвале, и правила бал там талантливая журналистка Вера Сергеевна Янкина-Сидорцева. Молодёжная газета была самой читаемой в городе. Делали её талантливые журналисты – такие, как Владимир Матвеев и Иван Корнев, автор книги стихов «Не улетают лебеди с Камчатки». В День книги, 9 августа 1964 г., я вместе с ним впервые в жизни читал свои стихи на людях в центральном книжном магазине по ул. Ленинской, который, кстати, находится на прежнем месте по сей день.

Вечером 16 ноября участники конференции выступали в гарнизонном Доме офицеров флота перед военными моряками.

С утра 17 ноября началась секционная работа. Литературной секцией руководил член Союза писателей СССР А. Харитановский. Не все литераторы, в том числе В. Науменков, добились обсуждения их творчества. В конце дня мы разъехались по городу (пединститут, Дом культуры судоверфи, клуб «Строитель»...). Очень эмоционально восприняла молодёжь моё стихотворение «Королева города» в Доме офицеров Советской армии.

Когда наша группа под шквал аплодисментов покидала зал, ко мне подошла студентка торгово-кооперативного техникума, с которой я познакомился ещё летом на остановке автобуса «Комсомольская площадь», но потом она почему-то на свидание не пришла. Сговорившись тотчас после оглушительного успеха «Королевы...» возобновить наши встречи, мы провели за стихами и вином пару уютных вечеров в оставленном на моё попечение «опальном доме» прозаика и философа Александра Филимонова; он служил в армии, а его родители были в санатории на материке.

В печке трещали берёзовые поленья, то заводил, то обрывал своё тоненькое журчание чайник, за окном бушевала пурга, а моя студентка, подобно героине романа «Дождь Лиственницы», беспокоилась, как она будет добираться до общежития, и на нас с ней шурился рыжий кот, довольный теплом и едой. Мне только что исполнилось двадцать лет, ей – семнадцать. Через три года, учительствуя в пос. Кировском на западном побережье Камчатки, я напишу одно из лучших своих поэтических произведений «Ночью», чему не перестаю удивляться до сих: ведь не было ни пылких чувств, ни сумасшедшей страсти. А вот, поди ж ты...

А «Королева города» поразила меня ещё больше. В феврале 2013 г. на презентации исторического сборника «Камчатский летописец» я прочёл это стихотворение перед молодёжной аудиторией. Реакция была непредсказуемой: зал буквально всколыхнулся и дружно заплодировал. А ведь с момента написания прошло 48 лет! Поэзия давно не в моде, да и время совершенно иное. Когда презентация закончилась, несколько девушек спросили у меня, где можно приобрести книгу («Дождь Лиственницы») с «Королевой...» В тот же день позвонил героине стихотворения Александре Андреевне Терёхиной. Её новость тоже взволновала, но она тут же нашла ей объяснение: «Тема-то – вечная».

18 ноября 1964 г. участники Первой конференции творческой молодёжи Камчатки выступали на промышленных предприятиях города. Вечером в кафе «Юность» на встрече с комсомольским активом один из работников обкома ВЛКСМ подшофе здорово подпортил мне настроение, намекнув, что никто не забыл, за что меня выгоняли из комсомола, и при случае это мне зачтётся. Не знаю, чем я навлек на себя гнев молодого функционера. «Шину» не катил ни на него, ни, тем паче, на власть. Уж не станцевал ли с дамой, на которую он положил глаз?

9 марта 1965 г., в продолжение старого спора с Кокориным, я записал: «Ритм должен подчиняться мысли, равно как развёртыванию сюжета. Ритмом выделяется то или иное место, акцентируется внимание на чём-то. Ломаный ритм – изломанность судеб» (3).

Поэзия, как я уже сказал выше, была чрезвычайно популярна, особенно у молодёжи. В середине 1960-х частыми гостями общежития пединститута были В. Науменков и В. Шевяков, знакомившие студентов со свежими стихами и принимавшие участие в неожиданно вспыхивающих диспутах. Происходило всё это, естественно, во время импровизированного застолья. Будущие учительницы от всей души благодарили поэтов, чем могли, нередко оставляли их на ночь. Общежитские нравы не отличались особой строгостью, на этажах парни и девчата жили вперемешку, контроль за соблюдением норм коммунистической морали по существу отсутствовал.

В 1966-м на педагогической практике в СШ № 6 мне показали девятиклассника, пишущего стихи. Одно из его стихотворений меня заинтересовало.

Все женщины – обманщицы.
Но женщины есть женщины.
Что для мужчин – романтика,
Для женщин увлечение.

Я посмотрел другие стихи, ничего любопытного больше не обнаружил, и всё же ободрил автора, памятуя, какую белиберду писал сам в 9 классе. Мы с ним общались года три подряд. Он периодически приносил новые стихи. Однажды буквально ворвался ко мне, едва ли не с проклятьями, потребовал назад тетрадку со стихами и вылетел, хлопнув дверью.

Всё разъяснилось спустя несколько лет. Молодой человек нашёл меня уже в доме по ул. Курильской в компании с Науменковым. Поставил на стол бутылку «Брэнди» и вытащил из-за пазухи рукопись поэтической книги. Прежде чем отнести её в издательство, ему хотелось получить отзыв авторитетных, как он выразился, литераторов. Оказалось, в предыдущий раз, в 1969 г., его настроили против меня чекисты, наговорив всякой чепухи.

Мы с В. Науменковым внимательно прочитали его рукопись, сделали несколько замечаний – причём, в довольно деликатной форме. Книгу он так и не издал, хотя печатался в местных газетах и

ходил на лито. Уже в 1980-е в частной беседе со вздохом заметил: «Лучше бы вы меня не открывали!». Ещё раньше своё юношеское мнение о женщинах углубил – мол, «они потребляют других». Вывод, как я понял, сделан из личного опыта.

Женщины, конечно, играют огромную роль в жизни творческой личности. В конце 1960 – начале 1970-х гг. лидером поэтических публикаций в камчатской печати был Юрий Дружинин. «Заметила» Дружинина, когда он ещё не освободился из заключения (за что оказался там, не знаю), рыбацкая многотиражка «За высокие уловы». Редакция даже гордилась тем, что автор сидит, а она его печатает. Он восхищался Игорем Шкляревским, чем дал повод собратьям по перу причислять его к эпигонам столичного стихотворца. Я относился к Ю. Дружинину ровно, но говорили мы о поэзии мало, в том числе в Соболево, где он некоторое время жил с супругой поэтессой Валей Коркиной и куда я неоднократно ездил на выходные из пос. Кировского.

А вообще-то литературная молодёжь жила весело и дружно, если не считать случая в 1967 г., на первый взгляд незначительного, но с неприятным осадком. В начале марта коллектив облрадио-телекомитета решил организовать в студенческой столовой КГПИ «Голубой огонёк» (модная в то время форма общественного досуга), куда пригласили десятка полтора поэтов. Ни до, ни после я не видел столько стихотворцев в одном месте. Зрелище было прелюбопытнейшее. Каждый держался особняком, старался как-то выделиться, в том числе внешним видом. Что касается выступлений, существовал регламент – минут десять, думаю, не больше. В. Науменков то ли нарушил его, то ли В. Шевякову, тогда сотруднику радио, показалось, что нарушил... Он схватил Науменкова за рукав и давай стаскивать его со сцены...

18 октября 1967 г. в Петропавловске началась зональная Неделя поэзии, посвящённая 50-летию советской власти. Организаторам мероприятия передали устное распоряжение заведующего отделом пропаганды и агитации обкома КПСС Л. А. Шишкина: «Науменкова и Пустовита не подпускать на пушечный выстрел!»

В начале 1970-х гг. я некоторое время общался с поэтом Виктором Соломатовым. Он часто повторял, что в поэзии дружбы нет. До Петропавловска Соломатов обитал на севере Камчатки. Он вёл холостяцкий образ жизни, буйным я его не видел, хотя мы не раз застольничали. На Севере он написал много интересных стихов, однако, в противоположность Шевякову и Дружинину, с книгой не пробился. Потом уехал в Биробиджан, женился и вместе с супругой, уже в новейшее время, переехал в Израиль.

С начала 1970-х гг. литературную политику «Камчатской правды» определял её сотрудник Александр Петров. Все прозаические и стихотворные публикации проходили через него. Сразу стало ясно, какие кадры куёт столичный литературный институт им. Горького – «литинкубатор», по выражению писателя В. А. Варно. Впрочем, журналисты оттуда выходили весьма профессиональные. А. Петров наставлял молодых, разъяснял, как надо делать стихи, что является эталоном, а что – нет. Наши ребята с ним спорили, однако не конфликтовали, поскольку областных газет две, а печататься где-то нужно. В «Камчатской правде» до него «сидел на литературе» другой человек, которого обком партии перебросил затем редактировать «Камчатский комсомолец». Это была целая система: «Тащить и не пущать» (М. Е. Салтыков-Щедрин). В 1979 г. А. Петров переехал в Москву заведовать отделом поэзии литературно-художественного журнала, если не ошибаюсь, «Молодой гвардии». Минувло несколько лет, из столицы сообщили: выбросился из многоэтажки. В книге его стихов, вышедшей ранее в издательстве «Современник», многие находили подражание Николаю Рубцову.

В 1970 г. В. Науменков оказался без жилья и работы. После долгих мытарств был принят в «Камчатский комсомолец» курьером, проработал в этой должности целый год, но использовался постоянно как журналист. Ему приходилось до того несладко, что когда в коллективе на проводах редактора на учёбу в высшую партшколу (ВПШ) дошла очередь до него, в смысле напутственного слова, поэт выразил своё (и не только своё) отношение к отбывающему двустушием: «Простите нас, товарищ Воробьёв, / что мы вас уважаем, а не бьём!»

В середине 1960-х гг. получил известность прозаик Анатолий Коровиков, лысоватый шатен, с витиеватой речью. Он издал книгу камчатских сказок «Горный огонь». Её выходу местное телевидение посвятило специальную передачу. Но больше он запомнился мне тем, что они с Валей Коркиной, которая, благодаря своей молодости, едва не отбила его у сорокалетней жены, распространяли антисоветские прокламации в каком-то магазине в районе 4-го км. Подбила прозаика на это дело, конечно, Валентина. Их акция обошлась без последствий – спасло, видимо, то, что они сделали лишь одну «вылазку».

Десять лет спустя на ниве прозы прочно утвердился Роман Райгородецкий. Мнения специ-

алистов о его творчестве расходятся. Так, писатель Борис Агеев, рецензент «Экспресса “Россия”» считал в 1985 г., что «временами тексты романа невозможно воспринимать с той серьёзностью, с которой они, вероятно, были написаны, и дают читателю повод заподозрить автора романа в автопародии либо в поразительной глухоте к слову...» (4).

26 декабря 1973 г. бюро обкома КПСС приняло постановление: «Утвердить тов. Гропянова Евгения Валериановича старшим редактором Камчатского отделения Дальневосточного книжного издательства, освободив от этой должности т. Сигарёва... в связи с уходом на пенсию». На том же заседании был рассмотрен вопрос о результатах выпуска литературы в 1972–1973 гг. и была «отмечена повесть и новеллы из исторического освоения полуострова Е. Гропянова “Атаман”» (5).

Е. В. Гропянов два десятилетия определял государственную издательскую политику на Камчатке, и его роль в этом трудно переоценить. Такого уровня издателя, на мой взгляд, у нас в крае нет и вряд ли предвидится. Обладая солидным культурным багажом и тонким литературным вкусом, он постепенно превратился в профессионала высокого класса. Свидетельство тому – книги, выпущенные местным отделением Дальиздата в его бытность. Немаловажная деталь: гропяновский подход к изданию литературных произведений совершенно свободен от его собственной (субъективной) оценки творчества того или иного автора. Евгений Валерианович мерил всех меркой художественности, и более никакой. Причём, у него хватало смелости издавать и тех, кто был на подозрении у партийной номенклатуры. Приведу лишь один пример. Обе прижизненные книги русского поэта Владимира Ивановича Науменкова – целиком его заслуга. При предшественнике Гропянова они бы ни за что не вышли.

Когда Е. В. Гропянов сел в кресло старшего редактора Камчатского отделения Дальневосточного книжного издательства, наши земляки – члены Союза писателей – были известны не только у себя в области: книги камчатцев выпускались в столице. Но в самом престижном издательстве «Советский писатель» издались двое: Роман Райгородецкий (романы «Бухта сомнений. Ловцы человеков», 1978) и Алексей Власов (стихи «Утро Земли», 1980). После выхода второй книги, уже на Камчатке, Власов в 1983 г. вступил в писательский союз. В те времена члены СП пользовались льготами: повышенный гонорар за публикации; дополнительные квадраты в жилом помещении; бесплатные путёвки в Дома творчества (Коктебель и др.)

Поэтам-не членам до выхода отдельных книг оставалось уповать на «кассеты» («Обратный пеленг», 1986) и коллективные сборники. В 1983 г. в коллективном сборнике «Земля над океаном» напечатались семь авторов, в том числе мой старый знакомец Юрий Коровин. Были там также стихи Игоря Рычкова, написавшего в начале 1990-х «Балладу о ВПШ».

В 1973 г., к 50-летию камчатского комсомола, вышел коллективный поэтический сборник «За тундрой – океан», куда не попала подготовленная мной подборка стихов Анатолия Санькова – куратору секретарю обкома ВЛКСМ по пропаганде не понравилась фотография автора: дескать, похож на уголовника. Я предложил заменить снимок, но молодой вожак отмахнулся. Видимо, произведения Санькова слишком «выбивались из общего ряда» своей художественностью, а нужен был «бодрячок» (на сленге тех лет) – декларативно-оптимистские пустышки.

В начале 1970-х я близко сошёлся поэтом и прозаиком Владимиром Александровичем Варно, приехавшим на Камчатку из Белоруссии. Это был чрезвычайно умный, литературно образованный, талантливый человек. Его страстная, грубовато-циничная и в то же время нежно-беззащитная натура искала выход в стихах – не находила (кто из современных ему стихотворцев мог бы, как он, заявить во всеулышание, что до настоящей поэзии ему «чуть-чуть недостаёт»?). Тогда он создал нечто особенное: «Сколько у нас под килем. Судовой дневник поэта» – книгу, получившую всеобщее признание камчатского читателя, особенно моряков.

Он понимал: перед этим ничто всякие там официальные звания и должности, какими бы почётными в глазах обывателя они не являлись. Я присутствовал при его разговоре с коллегой по перу. «Мы, Володя, писатели...» – начал тот. Владимир Александрович прервал его: «Мы, Роман, – члены Союза писателей, а это не одно и то же».

Осенью 1973 г. В. А. Варно и старшему редактору «Камчатских новостей» прозаику Юрию Васильевичу Шашкову понравилась моя «Исповедь», и они через свою приятельницу «пробили» это стихотворение в областной партийной газете. Появилось оно в «Субботних чтениях», а не на литстранице. И всё-таки не обошлось без скандала. По номеру дежурил А. Петров. На редакционной летучке ему указали на опечатку в газете, чему он тут же нашёл оправдание: расстроился из-за слабых стихов в «Субботних чтениях». И потом он не раз заявлял: «“Когда идти не думают дожди” – разве это поэзия?» (Дождь, дескать, не человек, чтобы думать.) В. Науменков пару раз смолчал, но на третий взорвался: «Что же тогда поэзия?!»

В. А. Варно любил, когда мы с Науменковым приходили к нему домой. Наше общение приносило обоюдную пользу. Он знал столько всего о литературной жизни Москвы, и не только Москвы – от реальных фактов до забавных баек – что слушать его было истинное удовольствие. Мои опыты в области прозы (повесть «Солнце изнутри») ввергали Владимира Александровича в какое-то странное возбуждённое состояние. Во время авторского чтения по тетради он то вскакивал, крича: «Вот это да! Ох, хорошо! Ну и врезал!!», то восхищался, но по-другому, уже матом, потом внезапно стихал, махая рукой: «Не напечатают...».

Материться, конечно, плохо, но представьте себе такой случай. В 35 лет в Минске, возвращаясь из гостей, понятно, слегка выпив, писатель остановил молодую женщину приятной наружности и отнюдь не уличного вида и без обиняков, с употреблением ненормативной лексики предложил совместно провести время. «Её поразила моя откровенность, – почти кричал В. А. Варно (он не умел разговаривать тихо), – она сильно удивилась, затем расхохоталась, говоря, что никогда ничего подобного от мужчин не слыхала. И... согласилась». Он рассказывал об этом, как о самом счастливом дне своей жизни.

Но кое-чего стыдился. Тот литератор, который, по мнению В. Науменкова, стал писать плохие стихи, решил перейти на прозу. «Не могу простить себе, – сокрушался Варно, – что отредактировал, какой там отредактировал – переписал заново его повесть. Сам не пойму, зачем. Жалко стало...» Чтобы разрядить обстановку, Науменков спрашивал: «Но “пузырь”-то он хоть поставил?» Варно чертыхался: «Куда там!»

Старшая дочь Варно Галина говорила: «Отец жил постоянно на стрессах». Огорчения, неудачи, беды буквально преследовали его. Он хотел покоя в семье, хотел любви и понимания, хотел внуков... Ничего этого не было. Отсюда срывы. Врачи удивлялись, что у 56-летнего печень, как у младенца: «Вы что, трезвенник?» Владимир Александрович грустно усмехался. Он был «инвалидом детства»: упав с дерева, повредил ногу и носил ортопедическую обувь. Когда журналисты посмеивались – «хромая на русский язык, а также на левую ногу», он нисколько не обижался: шутку, пусть и колочую, уважал. Чередовать выпивку и спорт (лыжи, плавание) помогал крепкий «мотор». Подвёл не он – лёгкие, давно слабые, а им ещё такая каждодневная нагрузка, как две пачки «Беломора». Летом того года, как умереть, Варно ездил на Чёрное море, заплыл далеко (люди на берегу почти неразличимы), очень трудно возвращался, вышел на песок, выплюнул кусок лёгкого и понял: «какюк».

Мы с ним, помнится, несколько раз навещали на погосте друга моей юности В. Филимонова, погибшего при невыясненных обстоятельствах. И каждый раз Варно косился на особый «начальниковский участок» («И здесь отдельно!), не подозревая, что судьба сыграет с ним злую шутку: уложит рядом с ними, не приняв в расчёт последнюю волю Владимира Александровича – выделить местечко на Мишенной сопке среди могил моряков, чтобы всё время была напротив Авачинская бухта – капля океана в ладонях земли.

Прощались с В. А. Варно 15 декабря 1978 г. Было непривычно видеть его в строгом тёмном костюме – умиротворённого и помолодевшего из-за того, что на щеках почти разгладились морщины и выступил едва заметный румянец. Точно в лодке какой-то необычайно прямоугольной формы и сырого пугающего цвета, он, казалось, подобно герою одного из своих стихотворений, плыл, на время выпустив из рук вёсла, чтобы малость отдохнуть, для чего прилёг. И лодка плыла как бы сама собой, а люди на берегу всё ещё слышали слова, сказанные им на прощание. Они доносились из динамика в зале Дома печати. У многих, кто пришёл на панихиду, навёртывались слёзы. То была последняя речь Владимира Александровича на собрании в местном отделении Союза писателей за две недели до отплытия в вечное плавание. Он торопился договорить то, что раньше обрывал на полуслове. (С текстом речи можно познакомиться в издании его прозаических и поэтических произведений, предпринятом Холдинговой компанией «Новая книга» в начале XXI в. (6)). Создавалось впечатление, что весь город вышел проводить писателя в последний путь.

А весной следующего года состоялось событие прямо противоположного свойства. В помещении пединститута отмечалось 50-летие ответственного секретаря областной писательской организации Н. В. Санеева (1929–2001). Выступая на юбилее, заместитель редактора «Камчатской правды» В. П. Кудлин сказал: «За свои 50 лет Николай Васильевич успел сделать столько, что на один перечень его литературных подвигов потребуется немалое время. Николай Васильевич Санеев до прихода в профессиональное писательство познал многие профессии... В 1962 г. приезжает в Усть-Камчатск. Районная газета. Потом собкор “Камчатской правды”, завотделом, в 1972 г. замредактора. Биография до того, как он перешёл на профессиональный путь, – и радости, и горести. От этого на

его героях не лежат розовые блики. Со стихами он, в конечном итоге, расстался и, как мне кажется, без особого сожаления. Об очерках. Писатель Николай Санеев с головы до ног вышел из газеты. Он – один из наиболее плодотворно работающих писателей нашего коллектива. Доброжелательность – одна из черт его таланта. Общественником, центром притяжения остаётся он и сейчас на посту руководителя писательской организации. С обязанностями литературного папы справляется успешно. Все основания считать, что Николай Васильевич входит во вкус во всех отношениях. Верным другом остаётся жена Мария Даниловна. Писатели, журналисты подарили Николаю Васильевичу “ковёр-самолёт”. Самолёт внести мы не решились, а вот пропеллер...» (7).

Секретарь обкома КПСС по идеологии С. Г. Танский горячо, сердечно, от всей души приветствовал юбиляра со славным 50-летием и пожелал «новых книг – партийных, глубоко содержательных, зовущих наших советских людей вперёд, к победам, к идеалам коммунизма». Санеев, напомнил он присутствующим, «из 50 лет половина член партии, 25 лет – журналист, 18 – на Камчатке. Весь без остатка отдаётся служению делу, родине, воспитанию советских людей. Каждый его отчёт в бытность секретаря парторганизации – это законченное произведение.

Если появятся исследователи, литературоведы, то они начнут с партийных протоколов. Любые поручения всегда добросовестно выполнял. Один из первых журналистов “Камчатской правды”. В командировках каждую свою минуту тратил, чтобы встретиться с читателями. Настоящая первая большая книжка, которая привлекла внимание читателей России – “Сероглазка, любовь моя”. Она – партийное поручение журналисту, написанная по заказу. Материал богатейший. Были созданы все условия для написания. Вот это – предметный урок молодым литераторам. Пример человека, который решает те задачи, которые ставит перед ним обком партии, ЦК партии» (7).

Вёл вечер член Союза писателей Роман Райгородецкий. Он нередко появлялся у нас на радио. Будучи на коротке со старшим редактором литературно-музыкальной редакции и не вынимая изо рта пыхавшую трубку, он беседовал с ней о литературном процессе, своём творчестве, неизменно подчёркивая, что писатель должен быть афористичен. Его речь изобиловала изречениями великих и выдержкам из Ветхого Завета; последнее производило впечатление, поскольку никто из наших гостей ничего подобного себе не позволял. Многие советы и рекомендации Р. Райгородецкого находили применение в профессиональной деятельности собеседницы. Уважение к нему, как прозаику и личности, было настолько велико, что когда однажды из соседнего кабинета постучали в стену: «На проводе Тилички! Райгородецкий!», она опростетью кинулась к телефону с такой быстротой, что едва не переломала себе ноги о высокий нерусский порог (во втором радиодоме, «скворешнике»), наискосок от первого, в 1920-е, поговаривали старожилы, располагалось японское консульство).

После армии до конца 1970-х я проработал в «Камчатских новостях» областного Дома радио. А это напряжённый труд. Так что требовалась разрядка. И в перекурах я увлекался шутейными информацией «не для эфира», которые тут же зачитывал коллегам-журналистам. Обойти вниманием литературную жизнь Камчатки было просто невозможно.

Осень 1977 г. «Пребывающий в Петропавловске с традиционным познавательным визитом виднейший первопроходец Корякского национального округа Алексей Григорьевич Власов продолжал сегодня знакомиться с достопримечательностями нашей столицы. Он посетил новый пиво-безалкогольный комплекс, Дом печати, прогулочную аллею и, наконец, старых товарищей по застолью. А. Г. Власов остался доволен состоянием питейного дела в Петропавловске, темпераментом ещё не увядших наложниц. В тот же день он высказал ряд доброжелательных советов в адрес ветеранов-застольщиков. Власов, в частности, обратил внимание на узость их интересов, сводящихся к напиткам крепостью не более 30 градусов, а также на однообразие закусовых блюд, которые состоят из случайного хвоста селёдки и ломтика цветного хлеба. – Ваша сила, – подчеркнул А. Г. Власов, – в неразрывной связи с народом, особенно с коренными национальностями, а они в изобретательности пока значительно превосходят Вас. Настоятельно рекомендую почаще употреблять настойку мухомора, непременно заедая её оленьими ушами». Залётного гостя неотступно сопровождает один из ортодоксальных карповцев В. И. Науменков, занимая его шахматными головоломками.

1978 г. «Состоявшийся вчера в Петропавловске худсовет облдрамтеатра обсудил пьесу видного камчатского писателя-документалиста Виктора Кудлина “Штормовое предупреждение”. Пьеса произвела неизгладимое впечатление хотя бы потому, что мнения участников обсуждения разделились. Одни говорили: “Надо срочно ставить!”, другие слабо возражали: “Это произведение не под силу нашему провинциальному театру”. В конце концов члены худсовета пришли к единодушному решению: пьесу вернуть автору на доработку...»

Для меня 1979 г. был в некотором роде переломным: после длительного перерыва я начал

печататься в местных газетах. Примечательно, что тогда же покинул Камчатку отцовский враг № 1 председатель облисполкома В. И. Алексеев. Есть ли связь между двумя этими событиями, не знаю, но факт остаётся фактом. Ободрённый свежими публикациями, причём в обеих областных газетах, я стал активнее участвовать в литературной жизни, тем паче, что перешёл из «Камчатских новостей» в другую радииную редакцию – литературно-музыкальную. Её литературная политика показалась мне несколько странной. Предпочтение отдавалось «рабочей косточке», поднаторевшей в графоманстве, а также графоманствующим интеллигентам вкуче с заезжими писателями, преимущественно столичными. С первой категорией работал я, со второй – руководившая редакцией женщина. К нам по винтовой лестнице время от времени поднимались люди искусства: литераторы, артисты, музыканты.

В «литмузе» я сделал две, на мой взгляд, полезные радиопередачи: «Первая книга поэта» (21 января 1980 г.) о сборнике Владимира Науменкова «У этих каменных берёз» и о творчестве графика Александра Турчевского. И тому, и другому нелегко приходилось среди торжествующей посредственности, что люто ненавидит таланты и всячески вредит им.

И была ещё одна передача «Ради жизни на Земле», посвящённая 36-летию Победы в Великой Отечественной войне, куда я (без указания авторства) вставил своё новое стихотворение «Слово отца», напечатанное буквально на следующий день, 9 мая, в «Камчатской правде». Начальник радиокомитета, пописывающий на досуге в рифму, ещё за год до этого предложил мне перейти в литературно-музыкальную редакцию (так сказать, в качестве поддержки талантов), хотя каждый раз встречал Науменкова в «Камчатских новостях» насмешливой фразой: «Привет классикам русской литературы!», что относилось не только к нему персонально. Я слышал, что подчинённые у женщины, возглавлявшей эту редакцию, долго не держатся, однако согласился, о чём, кстати, несмотря ни на что, не жалею.

Осенью 1979 г. мы с молодым прозаиком Александром Романовым организовали литобъединение «Полуостров». Собирались в помещении молодёжной газеты. Обсуждали и анализировали стихи, рассказы. Но в те времена все общественные организации должны были находиться под эгидой официальных органов, а мы «выпадали» из этого ряда. Чем, видимо, и руководствовался обком комсомола, принявший постановление: «В целях дальнейшего улучшения работы с молодыми литераторами... формирования у них чёткой гражданской позиции и вовлечения молодых в процесс самостоятельного творчества, для повышения их писательского мастерства и литературной учёбы... создать литературное объединение при областной газете “Камчатский комсомолец”. Утвердить руководителем... члена союза писателей СССР Сигарёва Евгения Игнатьевича. Финхозотделу за счёт привлечённых средств с 1 октября 1980 г. производить оплату в размере 100 руб. в месяц» (8).

Поначалу мы с Владимиром Науменковым время от времени посещали лито, потом как-то Е. Сигарёв попросил нас не приходить: мол, своими репликами и вопросами только мешаете. Тем не менее, я изредка всё же заглядывал туда. То ли в конце 1980-го, то ли в начале 1981 г. объявили конкурс на название литобъединения. Я (Науменкова не было) предложил – «Земля над океаном» и выиграл конкурс. Выждав года два, когда это название уже утвердилось в сознании литераторов и журналистов, я на одном из заседаний объединения воскликнул: «Какое удачное название!» Меня поддержали все присутствующие и с ними – председатель лито. «А ведь это заголовок поэмы Науменкова об обороне Петропавловска», – добавил я после паузы. Воцарилось молчание. Все ожидали реакции своего руководителя. Понимали: переименовывать лито поздно. Председатель молча смотрел на меня. Его лицо было непроницаемо. (Дело в том, что «Землю над океаном» мало кто знал; сборник «Птицы-зарницы», куда вошло это произведение, тогда ещё только готовился к печати.) Молчание продолжалось минуты две-три, затем председатель, как ни в чём не бывало, перешёл к очередному вопросу повестки дня.

В 1980–1982 гг. я работал инструктором областного общества любителей книги. Осенью 1981 г. было решено провести в Петропавловске праздник книги. Кто-то принёс пару проспектов писателей, выпущенных к аналогичному мероприятию на Сахалине. Загоревшись этой идеей, я убедил коллег сделать нечто подобное на Камчатке. Со мной никто не спорил. Из трёх издателей – Общества книголюбов, Союза писателей и облкниготорга – деньги имелись только у торгующей организации. Под официальным документом – заявкой на издание 25 проспектов (каждый тиражом 1000 экз.) требовалось шесть подписей: руководителей и главбухов. С лёгкостью я получил их у себя в обществе и в союзписе. Директриса книготорга долго вертела макет типового проспекта местных литераторов, но всё же подписала заявку. Я срочно собрал краткие биографические сведения на каждого литератора, их фотографии, стихи или небольшие отрывки из прозаических произведений и передал всё это в типографию – естественно, после просмотра В. Кудлиным, который замещал

отпускника Н. Санеева. Редакционно-издательский отдел облтипографии принял мои материалы без возражений, поскольку первой в заявке стояла подпись А. А. Томилова – начальника областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли, бывшего по совместительству председателем правления общества книголюбов.

Всё шло гладко. И вдруг звонок из обллита (цензуры). Я-то, по наивности, думал, что данное ведомство охраняет государственную, а также иные тайны и не пропускает антисоветчину. Ошибся! Цензура удивилась, отчего среди «проспектистов» затесались чужаки: официальные писатели (члены союзписа) уравниваются с неофициальными (не членами). Но в том-то и весь секрет. В начале 1981 г. вышла поэтическая «кассета»: пять тоненьких книжек молодых под одной «крышей» (бумажная ленточка с общим названием и указанием общей цены). Приобрести какую-либо из них в отдельности было нельзя, в силу чего они как бы полноценными книгами не являлись.

В сахалинском образце были только члены СП. Я это заметил, однако – раз праздник камчатской книги – включил всех, кто имел хотя бы одну книжку, даже кассетную. Поговаривали, будто бы Виктор Павлович Кудлин собирается возглавить писательскую организацию и нуждается в поддержке, и в среде несоюзной молодёжи – тоже. Он заверил цензуру в разном оформлении проспектов членов и не членов, чего, конечно, не произошло, за исключением незначительной правки в моей биографии: «имеет свой голос в поэзии» он исправил на «обретает...». В начале августа (за месяц до праздника) начали печатать проспекты. Отпечатали несколько в алфавитном порядке. И неожиданно всё застопорилось. Деньги!! Где деньги? Денег нет.

Это стоило мне немалых нервов. Ведь если издание сорвётся, будет обидно за товарищей по «кассете»: Анатолия Злыднева, Виктора Лихно, Галину Ткаченко и Татьяну Шубину. Пошёл к Томилову: что делать? Александр Андреевич успокоил меня: «Не волнуйся, выйдут твои проспекты...» И правда – вышли. Была такая организация Всесоюзная (или Всероссийская) книжная лотерея, организация богатая. Деньги Томилов взял у неё. Каким образом, мне неизвестно. К 1 сентября началось бесплатное распространение проспектов. Н. В. Санеев продолжительное время возмущённо выговаривал мне: «Надо же! Украл у государства семь тысяч, а все хвалят его...»

С 16 по 18 марта 1981 г. в с. Паратунка проходил областной семинар молодых писателей. В моём блокноте сохранились выдержки из выступлений на этом семинаре. «Е. Гропянов: “Лучше пишите короче. Подлежащее, сказуемое, дополнение. И ставьте точку. Если вы хотите писать, надо учиться языку”. Б. Агеев: “Я думаю, что лучше не передавать предмет, каков он, а деформировать”» (9).

14–19 сентября 1982 г. состоялись первая на Камчатке неделя маринистской литературы и праздник книги под девизом «Книга и море». Приехали прозаики и стихотворцы Москвы, Киева, Рязани и среди них известный поэт Алексей Марков. В беседе с местными литераторами он заявил, что в советской литературе идёт война писателей-патриотов с русофобами, которые находят поддержку у секретаря ЦК КПСС по идеологии Ю. В. Андропова.

В 1981 или 1982 г. в один из кабинетов общества книголюбов зашли поэт В. Науменков и прозаик Н. Рыжих, продолжая спор о творчестве, начатый ими в отделении Союза писателей, находившемся в том же здании. Владимир спросил: «Коля, а почему ты такой же, как твой герой, который вместо портянки наматывает вафельное полотенце?» Рыжих вместо ответа ударил Науменкова по лицу. Тот упал. Я вскочил. Ещё секунда – и могла начаться настоящая драка. Но Владимир быстро встал, и они с Рыжих тут же помирились. По-моему, Науменков извинился за нетактичный вопрос. Я посчитал инцидент исчерпанным.

В 1988 г. правление СП РСФСР не утвердило решение Камчатского отделения Союза писателей о приёме в свои члены В. И. Науменкова. Рецензентами его книг были трое москвичей, основным – знаменитый Юрий Кузнецов, не воспринимавший метафорическое направление в отечественной поэзии и лично знавший Владимира. Я вспомнил кузнецовские воспоминания о литинституте, что были напечатаны в начале 1980-х: «Мне повезло. Моим соседом по комнате был прозаик, а не поэт. Одно меня в нём удивляло: он мог писать, не отрывая перо от бумаги. Так и скрипит по несколько часов, не вставая, а если и вскочит, то, как заведённый, ходит взад-вперёд, заложив руки за спину; только глаза где-то блуждают. Походит, походит – за стол и снова скрипит.

– Разве можно так писать? – спрашиваю. – Хоть бы оторвался, подумал. – А? Что? Пускай индюк думает, – ответит и продолжает писать. По месяцам скрипел. Я засну и во сне слышу скрип. Однажды я не выдержал и говорю: – Дай взглянуть.

Дал. Смотрю: есть живые детали, но коряво и мыслей никаких.

– Ты хотя бы почитал что-нибудь, – советую. – Опося, братка. Не мешай! – и машет свободной рукой и снова скрипит. Мне до сих пор этот скрип снится. Бывало, засну и слышу знакомый звук. Это он скрипит где-то на Камчатке. Славный человек!» (10).

Участники лито, прочитав всё это в журнале, долго потешались, тотчас узнав в соседе поэта Кузнецова Николая Рыжих. Мне же в 1988 г. было не до смеха. Литераторы – народ не злопамятный, что касается всего, кроме их творчества: тут уж – враг на всю жизнь. Конечно, на приём (а точнее, неприём) Науменкова в союзпис повлиять не один человек и не два. Владимир имел привычку критиковать литературных собратьев довольно резко, а главное – прилюдно. Он не раз вопрошал, обращаясь к одному из них по имени-отчеству: «...ну, какой ты писатель? Вот Николай Васильевич Гоголь – это писатель!» Или в более узком кругу: «Ты – не поэт. А ты – почти не поэт».

Меня удивило, что в 1985 г. за В. Науменкова камчатский союзпис отдал свои голоса поголовно. Между тем, только один Р. Райгородецкий неоднократно высказывался в его пользу публично: «Володя, я буду голосовать за вас». И, по-моему, он был вполне искренен. Науменкову Райгородецкий почему-то выкал, хотя всегда говорил: «Саша Пушкин...» Словом, так называемое единодушие было, понятно, показное – чтобы, в случае чего, как с гуся вода. Отчего не проголосовать «за», твёрдо зная, что Москва всё равно «задробит»?!

Всё тот же принцип (тащить и не пущать). Молодые это понимали и не стремились в союзпис. К ним бы я причислил поэтессу Эльвиру Старовой, жившую в Палане с середины 1980-х гг. Она была больше художница, но и стихи писала довольно интересные. Изредка вырывалась в Петропавловск для общения с теми, кто разделял её литературные пристрастия, взгляды на жизнь и на искусство. Из стихов Старовой, опубликованных в «Камчатской правде» в 1989–1990 гг., запомнились строки: «Ласковый восторженный голубчик, / Где же ты летаешь вдалеке? / Как прозрачный светлый лучик / Ты в моей потушенной душе...»; «Поцелуй стыдливы и терпки, / Будто зной краснеющей розы. / На часах совместились стрелки / И застыли в любовной позе»; «Моя открытая душа / для Вас имеет мало смысла...» После августовской революции пришло известие с материка: Эльвира покончила с собой.

Это было второе в моей жизни самоубийство близкого человека. 26 октября 1984 г. в Оссоре в минуты жесточайшей депрессии дома на дверной ручке повесился автор интересных рассказов и стихов Евгений Лаптев. Он сильно переживал семейную драму, а тут ещё новое место работы и жительства, душевное одиночество в неблагополучном редакционном коллективе.

Из участников облито позднее самовольно ушёл из жизни Борис Головин. Помню его выражение «монтировать стихи». Фанатик поэзии, он жил один в домике-развалюхе посреди страшной запущенности, где, кроме книг, почти ничего не было.

В 1972 г. в молодёжной газете поменялся редактор. Литераторы, в особенности поэты, надеялись, что теперь их здесь будут чаще печатать, не уродуя тексты до неузнаваемости. Звали нового редактора по-юношески Пашей, хотя он приближался к 40. Это был чрезвычайно общительный человек, юморист, поминутно сыпал анекдотами. Принёс ему стихи. Говорит: «Не то. Бодрячка, бодрячка давай!» А тут: фашистский переворот в Чили, президент Альенде погиб с автоматом в руках, защищая республику от военной хунты. Я написал стихотворение по свежим следам событий. Отдал в «Камчатский комсомолец». Две строфы были обращены непосредственно к хунтёрам. «Не спешите, наливая виски, / раздавать награды и чины. / Не спешите вешать коммунистов / на просторах маленькой страны». Редактор дошёл до этого места и хохотнул: «Погодить, значит, рекомендуешь с повешеньем, да?» Я подумал: неудачная шутка. Меня в подобном заподозрить не мог даже КГБ, где я был на учёте много лет.

Незадолго до появления стихотворения о Чили у меня вышел резкий разговор с давним знакомым отца, известным Петропавловским фотографом Д. А. Литвиненко. Зная моё критическое отношение к КПСС, он выразился в том духе, что хорошо бы перестрелять всех коммунистов. «Стрелять за политические взгляды никого нельзя. Если они начнут сажать и стрелять вас, я буду за вас. Если вы начнёте стрелять и сажать их, я буду за них». Так я считал 40 лет назад, так считаю и сейчас. Последние строки приведённой выше строфы были поправлены и напечатаны без моего ведома в таком виде: «Живы, живы коммунисты – / совесть пробудившейся страны». На моё возмущение редактор похлопал меня по плечу: «Старик, чеши грудь!» (Любимое его выражение.) И засмеялся. Обижаться на него было бессмысленно. Часто, говоря о Паше, ребята добавляли: «Зато у него Эрна!» Что ж, что правда, то правда. Сам наблюдал: как только его жена вошла с ним в зрительный зал кинотеатра «Октябрь» – вокруг стало светло. По словам В. Науменкова, когда они жили в Тиличихах, она любила поэзию и с большим уважением относилась к поэтам.

На Камчатку в 1960–1980-е гг. нередко приезжали литераторы из Москвы, других городов – в основном члены Союза писателей. Мы всегда были рады «свежим» людям. Ходили к ним в гостиницу «Восток» или «Авача», беседовали. В книге «Дождь Лиственницы» я рассказывал о своём

знакомстве с поэтом С. С. Наровчатовым, прозаиком М. М. Годенко. Зыбыл упомянуть о Феликсе Чуеве. Да, да, это тот поэт, что прославился не стихами, а изданной книгой бесед с соратником Сталина В. М. Молотовым. В 1966 г. он посетил Камчатку, выступал в пединституте. Свои стихи читал хорошо. Мне представился завпоэзией журнала «Октябрь», дал адрес, куда присылать стихи. Я послал, но оказалось, что никакой поэзией он там не заведует, и мне ответил совсем другой человек.

Куда более курьёзной была встреча в середине 1970-х гг. с основоположником нивхской литературы сорокалетним В. Санги. Он удивился, что мы с В. Наumenковым трудно печатаемся, пообещал (хотя никто его за язык не тянул) «посодействовать в этом плане». Санги писал не только прозу, но и стихи. Кое-что нам зачёл. В одном из его стихотворений Наumenков узрел несовершенство, о чём не преминул попенять автору. Тот при расставании сказал: «К сожалению, ребята, помочь вам я ничем не смогу...».

1 октября 1987 г. на Камчатке начались Дни советской литературы. Петропавловск встречал руководителей Союза писателей РСФСР Петра Проскурина, Сергея Викулова, критиков Владимира Бондаренко и Михаила Лобанова. Все они представляли так называемое патриотическое направление, однако, подобно их оппонентам из демократического лагеря, совершенно не интересовались ни литературной жизнью «провинции», ни тамошними талантами. Одному из них я в присутствии ответственного секретаря камчатской писательской организации обрисовал обстановку и попросил дать квалифицированную оценку творчеству ряда поэтов, но он отказался взять с собой в Москву несколько газетных вырезок с их стихами, ссылаясь на крайнюю загруженность своего чемоданчика, где потом всё же нашлось место для презента (балыка кеты и горбуши), преподнесённого местным литератором.

Летом 1989 г. у нас в области проходила Декада украинской литературы и искусства с участием большой группы литераторов, музыкантов и артистов братской республики. В качестве журналиста «Камчатской правды» я освещал их поездку по Мильковскому и Усть-Большерецкому районам (серия статей «Липень – верхушка лета»). Из поэтов наибольшим успехом пользовалась Ганна Чубач. По словам слушателей, от её лирики исходило душевное тепло.

Мне, уроженцу УССР, было близко многое из концертной программы гостей. Несколько смущало лишь преклонение перед всем, без исключения, творческим наследием классика XIX в. Т. Г. Шевченко, написавшего, в том числе, такие строки: «Москали – чужие люди, / Глумятся над вами»; «Всё будут храмы воздвигать / Да пьяного царя родного / Да византийство прославлять»; «Когда дождёмся Вашингтона / И справедливого закона? / Но мы дождёмся, он придёт!» (11).

И всё же у меня, как и других камчатских литераторов, остались самые добрые воспоминания о Декаде. Гости вместе с нами открывали мемориальную доску на доме Г. Г. Поротова в Петропавловске, а потом выступали в знаменитой писательской «светёлке» и, насколько я знаю, увезли с собой в Киев массу приятных впечатлений. Хочется верить, что эти впечатления не стёрлись по прошествии четверти века – поры суровых испытаний единого русского народа, живущего на территории Великой, Малой и Белой Руси.

1. ЦДНИКО. Особый фонд. Д. 1760. Л. 45.
2. Из личного архива автора.
3. Там же.
4. Там же.
5. ЦДНИКО. Особый фонд. Д. 3974. Л. 82.
6. Варно В. Сколько у нас под килем. Петропавловск-Камчатский, 2008. С. 297–299.
7. Из личного архива автора.
8. ЦДНИКО. Особый фонд. Д. 4774. Л. 112.
9. Из личного архива автора.
10. Кузнецов Ю. Очарованный институт // Лит. учёба. 1982. № 4. С. 218.
11. Шевченко Т. Лирика и поэмы. М.: ГИХЛ. 1953. С. 16, 99, 105.